

Г. В. Михеева

Директор Императорской Публичной библиотеки Д. П. Бутурлин

Директор Императорской Публичной библиотеки Д. П. Бутурлин оставил по себе разноречивые, но в основном негативные воспоминания современников, основанные на его деятельности в качестве председателя цензурного Комитета 2 апреля 1848 года, вошедшего в историю как «Бутурлинский комитет». В тени этой его должности в качестве главного цензора страны оставалась его плодотворная деятельность в качестве директора первой национальной библиотеки России. В статье приводятся новые архивные материалы, важные свидетельства сотрудников Библиотеки, служивших под его началом, и предпринята попытка объективно воспроизвести все благие начинания этого директора и указать на допущенные им просчеты.

Ключевые слова: Императорская Публичная библиотека, Российская национальная библиотека, история библиотек, Д. П. Бутурлин, В. В. Стасов, В. И. Соболевщиков

Galina V. Mikheeva

Director of the Imperial Public Library D. P. Buturlin

Director of the Imperial Public Library D. P. Buturlin left behind contradictory, but mostly negative memories of his contemporaries, based on his activities as chair of the censorship Committee on April 2, 1848, which went down in history as the "Buturlin Committee". In the shadow of his position as the chief censor of the country, his fruitful activity as director of the first national library in Russia remained. The article presents new archival materials, important testimonies of the Library staff who served under him, and an attempt is made to objectively reproduce all the good undertakings of this director and point out the miscalculations he made.

Keywords: Imperial Public Library, National Library of Russia, history of libraries, D. P. Buturlin, V. V. Stasov, V. I. Sobolshchikov

DOI 10.30725/2619-0303-2022-4-178-186

В числе директоров Императорской Публичной библиотеки (ИПБ) тайный советник, сенатор, член Государственного совета Дмитрий Петрович Бутурлин (1790–1849), в отличие от М. А. Корфа, не занимает почетного «звездного» места. В истории печати он помнится всем как председатель пресловутого цензурного Комитета 2 апреля 1848 г., прозванного «Бутурлинским». Однако его директорство стало одним из важнейших этапов в упорядочении фондов Библиотеки, а его военно-исторические и исторические труды до сих пор принадлежат к числу новаторских и в освещении Отечественной войны 1812 г., и военных побед Петра Великого.

После кончины А. Н. Оленина, который возглавлял ИПБ в течение 32 лет, в апреле 1843 г. директором Библиотеки был назначен Д. П. Бутурлин [1]. Подобное назначение не было неожиданным. В последние годы, будучи уже в преклонных годах, Оленин, обремененный рядом государственных должностей, не мог уделять

столько внимания Библиотеке, сколько было в начале его директорства, и многие его начинания остались незавершенными. Д. П. Бутурлин был известен в обществе своими военно-историческими трудами, считался знатоком печатных и архивных источников. Кроме того, он геройски прошел все войны с Наполеоном, дослужился до звания генерал-майора, имел опыт военного командования. Подобный директор должен был привести в порядок запущенное библиотечное хозяйство.

Библиотека в тот период не была в центре внимания общественности, и посещали ее немногие, о чем свидетельствуют воспоминания В. В. Стасова: «В те времена ее (Библиотеку. – Г. М.) никто не знал, о ней нигде не бывало никаких разговоров, и все мое понятие о ней заключалось только в том, что стоит большой дом на углу Садовой и Невского и там внутри есть много старинных каких-то книг, которые навряд ли кто когда-нибудь видит» [2, стб. 1513]. Его первое впечатление от посещения Библио-

теки было удручающим: «Я видел по дороге какие-то огромные, скучные и невзрачные, сараи, наполненные книгами серого и не-сносного вида и ужасно мертвые и пустынные. Изредка кое-где торчал библиотекарь, но он казался на первый взгляд пустынным, мрачным и молчаливым, и внушал такую же тоску и холод, как и окружавшие его книги. <...> Особенно много прибавляли к тоске впечатлений гипсовые статуи муз. Эти мертвые окаменелые куклы поставлены были в Библиотеке директором Олениным, считавшимся великим классиком и знатоком» [2, стб. 1513-1514].

О плачевном состоянии Библиотеки ко времени своего прихода в нее в начале 1844 г. писал и А. Ф. Бычков: она «прозябала почти без читателей, не тревожимая никакими научными запросами и требованиями публики. <...> В Библиотеке до сих пор существовал большой беспорядок. Много, что было подарено, от самого поступления в Библиотеку не было ни разобрано, ни рассмотрено» [цит. по: 3, с. 39]. В таком виде (по меткому выражению В. И. Соболевцова, «в большом неглиже» [4, с. 74]) застал ИПБ и новый ее директор.

Новый директор был поражен финансовым состоянием Библиотеки, в связи с чем она не могла приобретать новые иностранные издания, которые были необходимы ее читателям [5, с. 177]. Осложнялась ситуация в ИПБ и тем, что большая часть неразобранных фондов, поступивших в последние 10-15 лет, пребывала в беспорядке: книги лежали на полу, на подоконниках, штабелями в шкафах [6]. Уже 19 мая 1843 г., ознакомившись с состоянием дел в Библиотеке, директор писал в Министерство народного просвещения: «Беспорядочное положение, в коем я нашел нашу Библиотеку, не может быть отнесено единственно к небрежности надзора. К водворению сих неустойств немало способствовали скудость денежных средств, на Библиотеку отпускаемых, и недостаточное число библиотекарей и их помощников, которое не соответствует многосложным занятиям на них возложенным» [7]. И, действительно, бюджет Императорской Публичной библиотеки этих лет, как указано специалистами, был почти в 7 раз меньше бюджета Национальной библиотеки Франции [8, с. 26].

Д. П. Бутурлин решительно взялся за наведение порядка в Библиотеке, без которого, как это было абсолютно ясно, она не могла бы дальше нормально функци-

онировать. Прежде всего он организовал разбор фондов, в ходе которого выявилось значительное число дублетов. Директор возбудил, ссылаясь еще на «Положение о управлении Императорскою Публичною библиотекою» 1810 г., ходатайство перед Министерством народного просвещения разрешить оставлять только по два экземпляра каждого названия, а остальные обменивать или продавать; лишние экземпляры запрещенных книг – сжечь [9]. По выявлению дублетов, особенно книг богословского содержания, выяснилось, что среди них есть немало ценных и редких изданий. По высочайшему повелению они были переданы в духовно-учебные заведения (всего 7244 ед. хр.), в том числе в Санкт-Петербургскую духовную академию 5405 сочинений в 6928 переплетах [5, с.169]. Часть изданий передавалась и в Римско-католическую духовную академию.

Как бывший военный, Д. П. Бутурлин пытался решать, исходя из своего опыта, сложные библиотечные вопросы на военный лад. В. В. Стасов отмечал, что Библиотека «была в то время, как будто на военной ноге. Дисциплина и соблюдение внешнего порядка свирепствовали в ней с полною силой и заменяли все, что можно было требовать от Публичной библиотеки» [2, стб. 1514], и скорее всего виделась директору чем-то «вроде цейхауза или амбара, отданного ему на руки, где каждый мундир или каждый куль муки должны стоять на бумаге за номером и больше ничего» [2, стб. 1515].

Вся деятельность Библиотеки и порядок службы ее чиновников регламентировались уставным документом «Начертание подробных правил для управления Императорскою Публичною библиотекою», принятым в 1812 г. еще до ее открытия для читателей. Соблюдались правила, закрепленные этим документом, весьма небрежно: не было четкого распределения обязанностей и ответственности, строго распорядка и часов присутствия библиотекарей на службе. Строго следивший за порядком директор потребовал от каждого сотрудника неукоснительно соблюдать установленные этим документом правила службы и «ни в чем не отступать от устава» [5, с. 161]. Отметив, что первый законодательный акт «Положение о управлении Императорскою Публичною библиотекою» 1810 г. устарел, Д. П. Бутурлин поручил А. Ф. Бычкову готовить новый, используя аналогичные документы европейских би-

блиотек. Однако при Бутурлине он так и не был принят.

Наибольшего внимания, по мнению директора, требовало Отделение рукописей. Обследовав его состояние, Бутурлин пришел к выводу, что составление каталога этого Отделения находится в плачевном состоянии и для многих манускриптов не известно «не только к каким предметам они относятся, но даже на каком языке писаны» [цит. по: 5, с. 164]. Бутурлин лично провел «ревизию хранилища рукописей», и за допущенную небрежность в их хранении известный филолог-славист, академик А. Х. Востоков, который отвечал за это отделение, 15 марта 1844 г. был вынужден подать в отставку [10, с. 229–231]. Это была большая потеря для Библиотеки. Однако, решившись на такой шаг, директор ясно давал понять сотрудникам, что он неукоснительно будет требовать соблюдения дисциплины и порядка, невзирая на звания и заслуги. Не следует забывать и о том, что в тот же день, 15 марта 1844 г., Д. П. Бутурлин предложил место хранителя Отделения рукописей известному в будущем археографу и палеографу, академику и директору ИПБ А. Ф. Бычкову [3, с. 36]. Это была подлинная находка для Библиотеки.

Описывать рукописные материалы должны были все сотрудники Библиотеки, независимо от того, в каком отделении они работали. Бутурлин полагал, что все библиотекари обязаны уметь каталогизировать подобные материалы [4, с. 83]. Подобное решение директора казалось сотрудникам неправомерным. В. И. Соболевский вспоминал: «Не было совокупной научной деятельности, совещаний, размена впечатлений, не было, наконец, критики, без которой многосложное дело библиографии и в особенности каталогизация рукописей, хорошо идти не могут» [4, с. 83]. Работа по описанию Отделения рукописей длилась два года и вылилась в 28 томов систематического каталога. Особенно тщательно описывал церковнославянские и русские рукописей А. Ф. Бычков: подробный инвентарь, составленный им, специалисты называли «славою Библиотеки» [11, с. 5].

Книжные же фонды Библиотеки, которых к этому времени насчитывалось около 500 тыс. томов, пребывали в полном беспорядке. Недаром заглянувший в Библиотеку в 1845 г. Стасов отмечал, что «книг целые груды лежали на полу, и, что еще более удивило меня, около топившихся печек. Сол-

даты, занимавшиеся топкой, преспокойно расталкивали их ногами направо и налево, иные швыряли подальше, куда вздумается, и потом принимались за свое истопничество» [2, стб. 1513].

Не лучше выглядел и читальный зал: «Читальная зала была мрачна и пустынна не менее других зал: лишь кое-где лепились около столов одинокие читатели, похожие на бедных сирот, а двое огромных вертящихся сверху вниз налов в виде качелей стояли по углам во всем своем безобразии и наводили какой-то страх и ужас неизвестным своим назначением: никому бы сразу не пришло в голову, что эти качели выдуманы для того, чтобы на них раскладывать и рассматривать рукописи, и всякий скорее принял бы их за какие-то средневековые машины для истязания и пытки людей на допросах в подземных застенках» [2, стб. 1513]. Такое тяжелое наследство было получено Д. П. Бутурлиным от своего предшественника.

Следующей задачей было приведение в порядок книжных фондов, которые были разбросаны по разным помещениям. Собрание сочинений однородного содержания в каждом отделении заняло почти год. С присущей ему красочностью В. И. Соболевский назвал этот тяжелый, памятный в истории Библиотеки труд работой титанов [4, с. 87]. Подобное приведение в относительный порядок фондов со всей очевидностью показало большинство библиотек, какого огромного постоянного труда требует систематическая расстановка основного фонда крупнейшего книгохранилища, особенно при больших поступлениях книг.

Дабы не закрывать Библиотеку для читателей, директор решил усилиями всех библиотек и подбиблиотек (так были переименованы помощники библиотек еще в 1831 г.) постепенно описывать все фонды Библиотеки. Исходя из обращений читателей, «первым ... по его особенной неотложной важности для читателей» [5, с. 167] было признано Отделение истории. Бутурлин пришел к выводу, что именно при приведении в порядок этого отделения следовало уточнить расстановку фондов, выработать принципы их описания, которые потом можно рационально использовать и при составлении каталогов во всех других отделениях. В Историческом отделении «выдача книг вплоть до окончания его описания и составления каталогов

прекращалась» [5, с. 168]. К началу 1847 г. фонды Исторического отделения были приведены в порядок, и директор информировал министра народного просвещения С. С. Уварова: «С 1-го апреля 1847 года начнется описание Исторического отделения, замечательного по своей полноте, которое, как можно надеяться, через два года приведет в должный порядок и будет иметь каталоги – это необходимое условие каждой хорошо организованной библиотеки» [12]. За два года работы по каталогизации в этом отделении, насчитывающем 60 тыс. книг, были выполнены [13, с. 10].

Добы четко отслеживать добросовестность работы сотрудников, Д. П. Бутурлин в этот период стал применять практику нормирования библиотечных процессов. Он сам включился в процесс каталогизации книг, занимался лично этой работой и в итоге на примере собственного опыта определил норму выработки для сотрудников. В конце каждой недели эконом Библиотеки по счету принимал карточки с описанием у каждого из служащих. Такие жесткие военные порядки вызывали неодобрение сотрудников. Д. П. Бутурлин, по словам Стасова, «по-своему понимал библиотечные работы, лишь как кустарную какую-нибудь механическую практику» [цит. по: 14, с. 120]. Тот же В. В. Стасов вспоминал впоследствии: «Я был свидетелем странной канцелярской скачки с препятствиями, которой принужден был предаваться весь тогдашний личный состав Библиотеки: господа библиотекари неслись во все лопатки через груды кое-как написанных, часто перевернутых и путаемых книжных заглавий, и ни о чем другом не помышляя, как только о том, чтобы отличиться перед суровым и не дававшим спуска начальником своим» [2, стб. 1515]. Идеалами для директора «были поклонники „фрунта“ и военной дисциплины, механические исполнители его воли». Для него библиотекари Публичной библиотеки были прежде всего чиновниками, исполнявшими свою службу, а потом уже книжниками и учеными. Совсем к другому отношению привыкли сотрудники Библиотеки в директорство А. Н. Оленина!

К середине 1840-х гг. стало ясно, что принятые в оленинские времена три каталога – два алфавитных (авторов и заглавий) и систематический, – себя не оправдали. В 1845 г. Д. П. Бутурлин, подобно ранее А. Н. Оленину, провел два специальных совещания по вопросам предстоящих

работ по организации фондов и каталогов [15, с. 39]. На этих совещаниях созданные в 1820–1822 гг. каталоги были признаны «негодными к использованию», и было принято решение составлять два каталога: алфавитный и систематический. Сочли целесообразным соединить все поступления конца 1820–1830-х гг. с основным фондом, после чего начать их каталогизацию. Разделение иностранного фонда сохранялось только по главным делениям системы А. Н. Оленина. Внутри каждого деления стали применять простую форматно-порядковую расстановку, просуществовавшую в Библиотеке вплоть до второй четверти XX в.

Решение этих совещаний можно признать знаковым для ИПБ: отныне расстановка фондов и систематический каталог Библиотеки теряли неразрывную связь, и строгая систематизация сохранялась лишь в каталоге. Было принято несколько важных положений относительно составления каталогов, и утверждена небольшая инструкция – правила расстановки карточек и ссылок в алфавитном каталоге [16]. По мнению специалистов, «Правила» 1845 г. явились весомым дополнением оленинской инструкции 1819 г. [15, с. 39]. В частности, было признано необходимым «списывание от слова до слова» заглавий книг во избежание разнообразия в сокращении одних и тех же заглавий разными библиотекарями и для облегчения, в связи с этим, выявления дублетных экземпляров. Впервые детально разрабатывался вопрос о ссылках на фамилии второго и третьего авторов, что позволяло комплексно отражать авторские массивы и означало существенный сдвиг в улучшении алфавитного каталога [17, с. 91–92], который состоял из двух рядов: авторского и анонимных книг. Недаром при подведении итогов деятельности Библиотеки в период директорства Д. П. Бутурлина отмечалось, что «шестилетнее его управление в особенности замечательно первыми успешными опытами составления каталогов Библиотеки» [18, с. 13].

В деле обслуживания читателей Д. П. Бутурлиным проводились различные меры, в том числе и ограничительные. В 1847 г. А. Ф. Бычков, Д. П. Попов и востоковед-арабист И. Ф. Готвальд по заданию Бутурлина разработали новый проект правил для посетителей, который тогда же и был принят. По решению директора читальный зал, который раньше закрывался

в 9 ч вечера, с ноября 1847 г. из-за опасности пожара стал работать до наступления сумерек [5, с. 172], что было негативно воспринято студентами, которые вследствие утренних и дневных занятий могли посещать Библиотеку главным образом во второй половине дня. Дабы улучшить возможности для их занятий в Библиотеке, она была открыта каждый день, в том числе и по воскресеньям. Каждый читатель получал билет на текущий год, по истечении которого его следовало продлевать. Одному лицу выдавалось лишь два издания одновременно, те, кому требовалось большее число изданий, должны были получить специальное разрешение директора. Такие же правила распространялись и на беллетристику. Текущие отечественные газеты и журналы выдавались не сразу по их поступлении в Библиотеку, а лишь по истечении года. За все время директорства Д. П. Бутурлина всего было выдано 5745 читательских билетов, выдача книг составила 53 780 ед. хр. [19, с. 110].

Д. П. Бутурлин сразу по приходе на пост директора лично ознакомился со списками иностранных периодических изданий и, чтобы предотвратить проникновение крамолы в читательскую среду, оставил среди них большей частью лишь литературные и официальные газеты и журналы [20]. Революционные события 1848 г. привели к тому, что в начале 1849 г. директор распорядился, чтобы в случае нахождения среди русских книг сочинений, в заглавия которых входили слова «софисты» и «якобинцы», в чтение их не выдавать [8, с. 27]. По распоряжению великого князя Михаила Павловича в 1846 г. было запрещено выдавать билеты для входа в Библиотеку «нижним чинам» [21]. Ученики средних учебных заведений могли заниматься в Публичной библиотеке лишь при наличии ходатайства [15, с. 57].

Среди прогрессивных, но так и не осуществленных нововведений Д. П. Бутурлина, следует назвать его предложение о выдаче в экстренных случаях книг из фондов на дом под залог [21], однако министр народного просвещения не поддержал эту идею Бутурлина.

Директор не был сторонником проведения экскурсий во вверенном ему книгохранилище, полагая, что посетители приходят в Библиотеку «для праздного досмотра», и сократил число дней для экскурсий и обзоров по Библиотеке: «Я нахожу неудобным открывать для посетителей все залы

каждый вторник», – писал он [22]. Выставки при нем не организовывались, а «Отчеты», как и в предыдущие 26 лет, не публиковались. Д. П. Попов предлагал директору подготовить и издать сводный отчет Библиотеки за 1818–1848 гг. и готов был взять на себя этот труд, однако он не встретил поддержки Бутурлина.

Особого стремления ретроспективно пополнять фонды отсутствующими изданиями конца XVIII и начала XIX вв. в директорство Бутурлина не наблюдалось. За время его управления в Библиотеку поступили 8441 издание книг и 123 названия рукописей [5, с. 163] – несравнимо мало по сравнению с предшествующим периодом! Каких-либо значительных покупок коллекций славянских рукописей при нем не производилось. За все это время известно лишь одно крупное поступление подобных коллекций, благодаря тому, что купец С. Ф. Соловьев, купивший в 1848 г. у наследников купца А. И. Кастерина два важных собрания, принес их в дар Библиотеке: 1) старопечатных книг на церковнославянском языке – великороссийских, белорусских и малороссийских типографий, а также черногорских, угро-валашских, сербских, краковской типографии (1491 г.) и др.; 2) собрание более поздних старопечатных книг – типографий униатов и раскольников в Почаеве, Супрасле и Клинцах. В итоге Библиотека «по полноте памятников церковнославянского и славянорусского типографского искусства заняла первое место между всеми книгохранилищами России» [18, с. 14].

Штат и смета Библиотеки были в числе постоянных забот директора, который считал необходимым вернуться к численному составу (18 должностных единиц библиотечных работников), принятому в 1810 г. Подобные ходатайства в период своего директорства он направлял в Министерство народного просвещения, но все они оказались тщетными [23, с. 10]. Кроме того, он настаивал на прибавке «столовых денег» сотрудникам и суммы, причитающейся на хозяйственные расходы. По его мнению, только в случае значительного увеличения жалования сотрудников было «возможным требовать от них (служащих. – Г. М.), чтобы они не принимали на себя других должностей, кроме таких, которые не препятствовали бы им являться ежедневно в Библиотеку в узаконенные для занятий часы» [24]. Однако и это ходатайство Бутурлина не получило поддержки. Были отклонены

Директор Императорской Публичной библиотеки Д. П. Бутурлин

и настойчивые просьбы директора об увеличении ассигнований на приобретение и переплет книг, на устройство отопления по системе Н. А. Аммосова [25, с. 14–15].

Д. П. Бутурлин стремился внести конкретизацию и в требования, предъявляемые к библиотечным работникам. Так, в 1843 г. министр народного просвещения согласился с предложением директора о закреплении за желающими поступить на службу библиотекарями в Публичную библиотеку требования знать русский, французский, немецкий, латинский, греческий (или вместо одного из последних – восточный) языки, а от подбиблиотекарей – русский и три иностранных. В свою очередь С. С. Уваров добавил требования, дабы «ищущие места библиотекарей имели какую-либо ученую степень, приобретенную в высших учебных заведениях» [26].

Сохранность фондов Библиотеки постоянно была в центре внимания директора. В 1843 г., чтобы ограничить проникновение в Библиотеку «посторонних», Д. П. Бутурлин предложил упразднить должности почетных библиотекарей, не приносящих, по его мнению, «никакой пользы Библиотеке». При этом директор отмечал, что «ни один из них никогда не занимается в Библиотеке» [27]. Заботясь о соблюдении порядка, Бутурлин утверждал, что добровольные помощники, по его мнению, могут лишь «увеличить число людей, имеющих свободный доступ во внутренность Библиотеки, в нарушение должностного порядка и в ослабление ответственности, лежащей на чиновниках» [28]. В то время Министерство не поддержало это предложение, и на протяжении директорства Бутурлина институт почетных библиотекарей сохранялся, хотя и не играл такой роли, как при А. Н. Оленине.

Здания Библиотеки вызывали особую озабоченность Д. П. Бутурлина, который стремился заменить многие деревянные детали на металлические. Все эти работы требовали дополнительного финансирования и не находили поддержки в Министерстве народного просвещения. По решению Кабинета министров, утвержденному императором Николаем I, с 1844 г. было прекращено и введенное с 1830 г. страхование зданий Библиотеки и собраний отечественных книг.

Не был безразличен директор и к судьбе переданного в его ведение с 21 августа 1845 г. Румянцевского музеума, во главе которого по его «приглашению» был фило-

соф, писатель, музыковед князь В. Ф. Одоевский [29, с. 120]. Именно Д. П. Бутурлину принадлежит идея «учреждения в древней столице», Москве, «Публичной Казенной Библиотеки», и, по его мнению, «такое общепользное книгохранилище много бы доставило умственного удовольствия и пользы тамошней публике и особенно юношеству» [30]. Однако окончательно вопрос о переводе Румянцевского музеума в Москву был решен уже при новом директоре М. А. Корфе.

В заслугу Бутурлину следует поставить и умелый подбор кадров, в числе которых были востоковед Б. А. Дорн, известный книговед Р. И. Минцлов, служивший в Библиотеке до самой смерти в 1883 г., филолог-классик и библиограф Ф. А. Вальтер, проработавший в Библиотеке 37 лет.

Именно их трудами была славна Библиотека в период директорства Бутурлина. Плодотворная их деятельность продолжалась и при следующем директоре М. А. Корфе.

Особые отношения сложились у Д. П. Бутурлина со служившим до него в ИПБ 9 лет писцом В. И. Соболевским. Будущий талантливый библиотековед и архитектор был в октябре 1843 г. переведен директором в подбиблиотекари и получил задание собрать и описать все «эстампы и литографии» [31]. О плачевном состоянии, в котором находились эстампы Библиотеки к тому моменту, поведал В. В. Стасов: «Я был очень поражен тем несчастным видом, который имела коллекция гравюр Публичной библиотеки. Эстампы были наклеены на большие серые листы бумаги, мрачные и холодные, как вся тогдашняя Библиотека, и, разумеется, очень много оттого теряли» [2, стб. 1514]. Уже за полгода результат обработки эстампов Соболевским был достоин того, чтобы повысить его в должности. Кропотливый труд продолжался еще три года. За усердие и примерное поведение директор и в дальнейшем продолжал поощрять своего сотрудника: в 1844 г. Соболевский получил чин коллежского секретаря и с мая 1844 г. был назначен «исправляющим должность „архитектора Библиотеки“ с производством особого жалования по оной» [цит. по: 32, с. 24]. В 1846 г. он стал титулярным советником. Итогом увлеченного работой в Отделении эстампов Соболевского стали 10 томов каталога этого отделения, которые он составил к 1849 г. [17, с. 97–100].

Однако в целом обстановка в Библиотеке в период директорства Бутурлина принципиально отличалась от оленинского периода. Тот же В. И. Соболевский объективно отмечал: «Общие каникулы кончились» [4, с. 82–83]. И пояснил далее: «после тунеядства при А. Н. Оленине, мы проработали 8 лет в качестве писарей» [4, с. 92]. О том же писал и язвительный Д. В. Философов, отмечая: «При втором директоре – знаменитом генерале Бутурлине – „тунеядцы“ превратились в „писарей“... Из меценатского приюта литераторов она (Библиотека. – Г. М.) превратилась в николаевскую канцелярию» [33].

Д. П. Бутурлин пользовался мрачной репутацией строгого начальника, требующего покорности и молчания. Если Оленина между собой сотрудники именовали «генерал», а в будущем Корфа – «барон», то Бутурлин в их среде назывался просто «директор» [34, с. 129]. Как человек военный, он не прощал нарушений порядка и отчетности. В январе 1848 г. вынужден был подать в отставку знаменитый библиограф И. П. Быстров, который после ухода из Библиотеки И. А. Крылова с 1841 г. фактически возглавлял Русское отделение, он немало сделал в период директорства Бутурлина для создания каталога Русского отделения. Формально он ссылался на расстроенное здоровье, однако в письме к библиографу С. Д. Полторацкому отмечал, что не желает «разыгрывать роль Молчалина» при новом директоре Бутурлине [35]. О строгом характере Д. П. Бутурлина высказывался и В. И. Соболевский: «Дисциплина вещь хорошая, но в гражданском, а тем паче в ученом деле, она должна быть совсем не такая, как во фронте, а библиотекари узнали фронт. Повиновались все, нечего сказать и хорошо повиновались, но из одного повиновения проку, как известно, бывает немного» [4, с. 83].

Деятельность Д. П. Бутурлина, своего предшественника, на благо ИПБ высоко оценивал следующий директор М. А. Корф. Он признавал, что «старания бывших директоров (А. Н. Оленина и Д. П. Бутурлина. – Г. М.) успели возвести это государственное учреждение на третью степень между знаменитейшими из европейских библиотек (после Библиотеки Британского музея и Французской национальной библиотеки. – Г. М.), существующих по несколько веков» [25, с. 4]. К заслугам Бутурлина он относил образцовое состояние Отделения руко-

писей, составление описей и указателей к собранию эстампов, создание полного каталога в Историческом отделении, «счастливый выбор» в сотрудники В. Ф. Одоевского и А. Ф. Бычкова [25, с. 47].

Император высоко оценивал труды Д. П. Бутурлина на пользу Библиотеки: в 1845 г. ему был пожалован орден Св. Александра Невского, в 1847 г. – чин действительного тайного советника.

Директор ИПБ Д. П. Бутурлин оставил по себе разноречивые, но в основном негативные воспоминания современников, основанные на его деятельности в качестве Главного цензора страны в последние полтора года его жизни. Бытовало мнение о нем как о мрачном и жестоком тиране, солдафоне. Убийственный портрет директора Императорской Публичной библиотеки дал наблюдательный В. В. Стасов: «... Бутурлин имел вид и все качества отставного армейского полкового командира. Отрывистая, военная речь, резкий голос, начальнический, quasi-орлиный (и тогда модный) взгляд, вечно до горла застегнутый по-военному сюртук – все вместе делало из него тип весьма неприятного и шершавого деспота старинного покроя» [2, стб. 1515–1516]. «Великим инквизитором» называл его известный цензор А. В. Никитенко [36, с. 389].

Безжалостно характеризовал Бутурлина и Д. В. Философов, называя его «типичным бурбоном николаевского времени». По его мнению, «Бутурлин был настоящий мракобес. Даже несколько психопатический. Литературу и науку он ненавидел. Свою деятельность в пресловутом „Бутурлинском комитете“ он ставил куда выше, нежели управление Библиотекой. Понятно, что Библиотека при нем не процветала» [33].

Однако если объективно, *sine ira et studio*, рассматривать деятельность Д. П. Бутурлина в качестве директора и показать действительные его достижения и просчеты в период его руководства Библиотекой, роль его в истории ИПБ выглядит совсем иначе. Справедливый во всем А. Ф. Бычков, оценивая вклад Бутурлина в дела ИПБ, в будущем напишет, что Бутурлин оставил «по себе память начальника, положившего немало труда к водворению в ней порядка» [цит. по: 37, с. 353].

Не по вине Д. П. Бутурлина многие разумные и справедливые его требования для улучшения и самой Библиотеки, и жизненных условий ее служащих не были вопло-

Директор Императорской Публичной библиотеки Д. П. Бутурлин

щены в жизнь. Министерство народного просвещения не оказывало ему должной поддержки и отклоняло его ходатайства. Как отмечалось в выпущенном к 100-летию со дня открытия Библиотеки для читателей историческом труде, «Бутурлин успел осуществить сравнительно только немногое из своих предначертаний. <...> ... описание Отделения рукописей и составление 28 томов систематического каталога, слияние разбросанных частей библиотеки в одно целое, описание Отделения истории, установление нового порядка размещения книг – вот заслуги Д. П. Бутурлина по приведению в порядок книжных богатств Императорской Публичной библиотеки. В первых трех из этих предприятий он продолжал работы А. Н. Оленина, в четвертом же явился новатором» [5, с. 183].

Сложившийся облик председателя Комитета 2 апреля 1848 года долгое время заставлял советских исследователей негативно оценивать деятельность Д. П. Бутурлина в качестве директора Императорской Публичной библиотеки, обличая его как «крайнего реакционера» и не замечая многих его ценных начинаний. А между тем шестилетняя деятельность Бутурлина в Императорской Публичной библиотеке прошла для нее далеко не бесследно, и есть все основания по заслугам оценивать его труды на благо Императорской Публичной библиотеки.

Список литературы

1. Журнал Министерства народного просвещения. 1843. Ч. 38, № 4, отд. 1. С. 148.
2. Стасов В. В. Воспоминания гостя Библиотеки // Стасов В. В. Собрание сочинений. Санкт-Петербург, 1894. Т. 3. Стб. 1512–1532.
3. Голубева О. Д. А. Ф. Бычков. Санкт-Петербург, 1998. 192 с.
4. Соболевский В. И. Воспоминания старого библиотекаря // Исторический вестник. 1889. Т. 38, № 10. С. 70–92.
5. Императорская Публичная библиотека за сто лет, 1814–1914. Санкт-Петербург, 1914. 481, XXVI с.
6. Отдел архивных документов Российской национальной библиотеки (ОАД РНБ). Ф. 1. Оп. 1. 1849 г. Ед. хр. 31. Л. 13.
7. ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1843 г. Ед. хр. 19. Л. 22–23.
8. Ефимова Н. А. Читатели Публичной библиотеки в Петербурге и организация их обслуживания в 1814–1917 гг. // Труды / Гос. Публич. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград, 1958. Т. 6 (9). 190 с.
9. ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1844 г. Ед. хр. 34. 17 л.
10. Голубева О. Д. Хранители мудрости. Москва, 1988. 271 с.
11. Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1850 год. Санкт-Петербург, 1851. 35 с.
12. ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1847 г. Ед. хр. 10. Л. 8.
13. Михеева Г. В. Историческое отделение в Императорской Публичной библиотеке // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 1 (34). С. 6–14.
14. Голубева О. Д. В. В. Стасов. Санкт-Петербург, 1995. 181 с.
15. История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград, 1963. 435 с.
16. ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1849 г. Ед. хр. 31. Л. 1.
17. Коновалова М. Н. История каталогизации фондов Российской национальной библиотеки, 1795–1917 гг. Санкт-Петербург, 2014. 303 с. URL: <http://ivaldi.nlr.ru/bx000007674/view> (дата обращения: 23.08.2022).
18. [Стасов В. В.] Императорская Публичная библиотека в эпоху перехода в ведомство Министерства народного просвещения. (Краткий очерк ее прошедшего и настоящего). Санкт-Петербург, 1863. 72 с.
19. Голубева О. Д. Бутурлин Дмитрий Петрович // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биограф. слов. Санкт-Петербург, 1995. Т. 1. С. 108–112.
20. ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1843 г. Ед. хр. 28. Л. 17–18.
21. ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1846 г. Ед. хр. 12. Л. 1.
22. ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1843 г. Ед. хр. 2. Л. 27.
23. Шилов Л. А., Михеева Г. В. Предисловие // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биограф. слов. Санкт-Петербург, 1995. Т. 1. С. 5–46.
24. ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1843 г. Ед. хр. 28. Л. 8.
25. Десятилетие Императорской Публичной библиотеки (1849–1859). Санкт-Петербург, 1859. 49 с.
26. ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1843 г. Ед. хр. 28. Л. 21.
27. ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1847 г. Ед. хр. 7. Л. 1.
28. ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1843 г. Ед. хр. 9. Л. 21.
29. Голубева О. Д. В. Ф. Одоевский. Санкт-Петербург, 1995. 185 с.
30. ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1846 г. Ед. хр. 34. Л. 1–2 об.
31. ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1843 г. Ед. хр. 8. Л. 27.
32. Голубева О. Д. В. И. Соболевский. Санкт-Петербург, 2001. 65 с.
33. Философов Д. В. Столетие Публичной библиотеки // Речь. 1914. 1 (14) янв. № 1.
34. Голубева О. Д., Михеева Г. В. 1849–1861. Модест Андреевич Корф // История Библиотеки в биографиях ее директоров, 1795–2005. Санкт-Петербург, 2006. С. 94–135.
35. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 603. Ед. хр. 107. Л. 15.

36. Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе и о том «чему свидетелем я был». Санкт-Петербург, 1904. Т. 1. 8, 632 с.

37. Грин Ц. И., Третьяк А. М. Публичная библиотека глазами современников (1917–1929): хрестоматия. Санкт-Петербург, 2003. 624 с.

Reference

1. Journal of the Ministry of Public Education. 1843. 38, 4, 1, 148 (in Russ.).

2. Stasov V. V. Memoirs of a guest of the Library. Stasov V. V. Collected works. St. Petersburg, 1894. 3, 1512–1532 (in Russ.).

3. Golubeva O. D. A. F. Bychkov. St. Petersburg, 1998. 192 (in Russ.).

4. Sobolshchikov V. I. Memoirs of an old librarian. Historical Bulletin. 1889. 38, 10, 70–92 (in Russ.).

5. Imperial Public Library for a hundred years, 1814–1914. St. Petersburg, 1914. 481, XXVI (in Russ.).

6. Department of Archival Documents of National Library of Russia (DAD NLR). F. 1. Op. 1. 1849. 31, 13 (in Russ.).

7. DAD NLR. F. 1. Op. 1. 1843. 19, 22–23 (in Russ.).

8. Efimova N. A. Readers of the Public Library in St. Petersburg and the organization of their service in 1814–1917. Proceedings / M. E. Saltykov-Shchedrin State Public Library. Leningrad, 1958. 6 (9), 190 (in Russ.).

9. DAD NLR. F. 1. Op. 1. 1844. 34, 17 (in Russ.).

10. Golubeva O. D. Keepers of wisdom. Moscow, 1988. 271 (in Russ.).

11. Report of the Imperial Public Library for 1850. St. Petersburg, 1851. 35 (in Russ.).

12. DAD NLR. F. 1. Op. 1. 1847. 10, 8. (in Russ.).

13. Mikheeva G. V. Historical department in the Imperial Public Library. Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture. 2018. 1 (34), 6–14 (in Russ.).

14. Golubeva O. D. V. V. Stasov. St. Petersburg, 1995. 181 (in Russ.).

15. History of the State Order of the Red Banner of Labor of the Public Library named after M. E. Saltykov-Shchedrin. Leningrad, 1963. 435 (in Russ.).

16. DAD NLR. F. 1. Op. 1. 1849. 31, 1. (in Russ.).

17. Konovalova M. N. The history of cataloging the collections of the Russian National Library, 1795–1917. St. Petersburg, 2014. 303 URL: <http://vivaldi.nlr.ru/bx000007674/view> (accessed: Aug. 23. 2022) (in Russ.).

18. [Stasov V. V.] Imperial Public Library in the era of transition to the department of the Ministry of Public Education. (A brief outline of its past and present). St. Petersburg, 1863. 72 (in Russ.).

19. Golubeva O. D. Buturlin Dmitry Petrovich. Employees of National Library of Russia – workers of science and culture: biogr. dict. St. Petersburg, 1995. 1, 108–112 (in Russ.).

20. DAD NLR. F. 1. Op. 1. 1843. 28, 17–18 (in Russ.).

21. DAD NLR. F. 1. Op. 1. 1846. 12, 1 (in Russ.).

22. DAD NLR. F. 1. Op. 1. 1843. 2, 27 (in Russ.).

23. Shilov L. A., Mikheeva G. V. Foreword. Employees of National Library of Russia – workers of science and culture: biogr. dict. St. Petersburg, 1995. 1, 5–46 (in Russ.).

24. DAD NLR. F. 1. Op. 1. 1843. 28, 8 (in Russ.).

25. Decade of the Imperial Public Library (1849–1859). St. Petersburg, 1859. 49 (in Russ.).

26. DAD NLR. F. 1. Op. 1. 1843. 28, 21 (in Russ.).

27. DAD NLR. F. 1. Op. 1. 1847. 7, 1 (in Russ.).

28. DAD NLR. F. 1. Op. 1. 1843. 9, 21 (in Russ.).

29. Golubeva O. D. V. F. Odоеvsky. St. Petersburg, 1995. 185 (in Russ.).

30. DAD NLR. F. 1. Op. 1. 1846. 34, 1–2 rev. (in Russ.).

31. DAD NLR. F. 1. Op. 1. 1843. 8, 27 (in Russ.).

32. Golubeva O. D. V. I. Sobolshchikov. St. Petersburg, 2001. 65 (in Russ.).

33. Philosophov D. V. Century of the Public Library. Speech. 1914. 1 (14) Jan. (in Russ.).

34. Golubeva O. D., Mikheeva G. V. 1849–1861. Modest Andreevich Korf. History of the Library in the biographies of its directors, 1795–2005. St. Petersburg, 2006. 94–135 (in Russ.).

35. Department of Manuscripts of National Library of Russia. F. 603. 107, 15 (in Russ.).

36. Nikitenko A. V. My story about myself and about “what I witnessed”. St. Petersburg, 1904. 8, 632 (in Russ.).

37. Green Ts. I., Tretyak A. M. Public Library through the Eyes of Contemporaries (1917–1929): reader. St. Petersburg, 2003. 624 (in Russ.).